
БОРЬБА С БАЙРОНОМ В АЛЕКСАНДРОВСКУЮ И НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ.

(Страничка из истории «Западных влияний»)

В писаниях и разведках о байроническом периоде нашей общественности и литературы до сих пор пуста страница, на содержание которой уже давно как будто бы намекали грозные ссылки полуофициальных источников, глухие сведения мемуаров и корреспонденций, таинственные пробелы старых книжных инвентарей.

«Где был простор для титанизма русских Манфредов, для мятежных заявлений Люцифера, для могучей сатиры «Дон-Жуана», «Бронзового Века», «Видения суда»?» — спрашивает в своих Этюдах о Байронизме А. Н. Веселовский — и почти угадывает ответ — «Не чугунный ли цензурный устав, не светобоязнь ли Магницких или Тимковских, не короткая ли расправа, грозившая за эпиграммы и вольнодумные шалости Соловками или Сибирью, могли способствовать подъему и широкому полету?»

И действительно, почти во всех областях возможного своего проявления русский байронизм был решительно парализован, и прямому воздействию «гордой лиры Альбиона» положен был с самого начала предел столько же неписанным уложением реакции, сколько и определенными полицейскими запретами и параграфами действовавших узаконений.

В самом начале 1820 года, когда переложения восточных поэм и отзвуки строф «Чайльд-Гарольда» еще не успели даже внешним образом нас приобщить к байроническим сюжетам, известный член «главного правления училищ» и будущий вдохновитель политики «просвещения» в Петербургском учебном округе — Д. П. Рунич, встревоженный переводной заметкой о Байроне в «Русском Инвалиде», обратился к издателям газеты с письмом, протестующим против знакомства «с английским безбожником-стихотворцем, имеющим по мнению самого французского критика мрачную и свирепую душу и изуродованный свободолубием разум, воспламененные и освещенные адским огнем! Какая польза для русских и вообще для человечества в том сведении или уведомлении, что в Англии, или Америке, или Австралии

есть чудовища, в ожесточенном неверии сплетающие нелепые системы и поэмы, целью коих есть то, чтобы представить преступления страстию и необходимою потребностью великих душ. Что тут великого, изящного и полезного? Не философия ли это ада? Кто заразится бреднями Байрона, — такой погиб навеки; подобные впечатления, особенно в юных сердцах, с трудом изглаживаются. Поэзии Байронов и приписываемые им достоинства гениев и истинных поэтов родят Зандов и Лувелей¹⁾. Эти негодующие определения, предшествуя охранительным мероприятиям «особой канцелярии» министерства внутренних дел, унаследовавшей от министерства полиции надзор за привозимыми из заграницы книгами «политического, исторического и романического содержания», очень скоро превратились в официозные: по крайней мере рапорты ближайших двух лет (Дела Гл. Упр. Цензуры, 1821 г., № 265, 1822 г. № 64) уже не оставляют сомнений в строжайшем запрещении у нас Байрона.

По мере выхода в свет его новых изданий — на английском или французском языках — они «для сведения и надлежащего в потребных случаях наблюдения» аккуратно вносились (часто даже не рассматриваясь — ср. свид. «дела» Гл. Упр. Цензуры за 1829 г. № 91, л. 149) в секретные индексы «des ouvrages défendus par le Comité de Censure du Ministère de l'Intérieur», и в публике обращались лишь как контрабанда²⁾. Несколько ослабляя безапелляционные запреты цензуры «книг иностранных», комитеты министерства народного просвещения в исключительных случаях допускали вольные переводы «избранных» творений опального поэта, но и здесь не обходилось без серьезнейших затруднений: так, когда И. И. Козлов представил для рассмотрения свой известный перевод «Абидосской невесты» и даже Бируков готов был поэму «одобрить», цензор Красовский горячо восстал против некоторых примечаний к произведению, и только в виду того, что «переводчик означенной повести — как видно из протокола СПб. Цензурного Комитета от 11 октября 1826 г. — предварительно изъявил свое согласие на все перемены, какие только Комитет признает сделать

1) «Рус. Стар.», 1896 г., окт., стр. 136-137. Любопытно, что в некоторых своих пунктах указания Рунича даже предвосхищают вопли европейских клерикальных кругов, когда, после появления в 1821 году «Каина», сам Георг IV протестовал против «богохульства и развращенности в сочинениях Байрона», а «Видение суда» кончилось громким судебным процессом.

2) Таким образом, известная аттестация Пушкина, как «слабого подражателя весьма мало достойного одобрения лорда Байрона», данная гр. М. С. Воронцовым в письме от 28 марта 1824 г. к гр. Нессельроде, — заключала в себе не только эстетическую оценку.

нужным», мы в течение почти ста лет вместо строк Байрона читаем заменивший их комментарий Красовского 1).

Безусловному устранению из всех произведений «английского безбожника-стихотворца» подлежали даже самые отдаленные намеки на явления современности, при чем особенно интересно в цензурной практике преомилось обнаруженное в «прологе поэмы Байрона Джаур поощрение восстать на турок».

Заслушав об этом 22 марта 1827 года доклад цензора Гаевского, Главный Цензурный Комитет «признал за лучшее» немедленно довести до сведения министра о «сомнительном по политическим отношениям» произведении. Однако, как видно из протокола от 19 апреля, А. С. Шишков отказался взять на себя разрешение этого вопроса и в свою очередь обратился за разъяснением к управляющему министерством иностранных дел гр. Нессельроде. Вполне разделяя сомнения цензора, последний в своем отношении от 6 мая 1827 г. за № 639 «касательно перевода на российский язык пролога из поэмы Джаур» решительно «изъяснил», что «таковые воззвания, несообразные ни с духом времени, ни с обстоятельствами», он «находил бы полезнейшим не выпускать в свет». Это принципиальное разъяснение было немедленно, по предложению министра, сообщено «господам Попечителям, в округах коих состоят цензурные комитеты» и применялось одно время ко всем произведениям, «содержащим в себе сожаление о

1) Архив СПб. Цензурного Комитета, 1826 г. «дело» № 15. В протоколе сохранились подлинные строки перевода Козлова, которые мы и восстанавливаем здесь параллельно с общеизвестным «цензурным» их текстом: так, разъяснение 13-е, — «Сокровища султанов, бывших до Адама» — Красовский дополняет своим комментарием — «по нелепому мнению турок»; 23-е примечание Байрона: — «Не должно полагать, чтобы предания о Ковчеге, о Каине и все повествования Ветхого Завета были менее знакомы Туркам, нежели Евреям. Турки тщеславятся знанием самых мелочных обстоятельств из жизни Патриархов с большею подробностью, нежели означены оные в нашем Св. Писании, и довольствуясь поветствованиями от Адама, имеют у себя жизнеописания до Адам-лех творений. Они почитают Соломона царем Некромантии, и Моисея пророком не менее Магомета» — под рукой Красовского превращается в следующее: «Турки неосновательно думают, будто предания о Каине, о ковчеге и все повествования Ветхого Завета им столько же известны, сколько и евреям. Они даже тщеславятся знанием самых мелочных обстоятельств из жизни патриархов с большею подробностью, нежели означены оные в Св. Писании и, не довольствуясь повествованием от Адама, первого человека, имеют ложные жизнеописания до времен Адамовых. С такою же неосновательностью почитают они Соломона царем Некромантии, а своего Магомета осмеливаются сравнивать с Моисеем, истинным пророком».

порабощении греков турками и в которых изъясняется желание освобождения первых от власти последних»¹).

Преобразование цензурных установлений в 1828 году поставило на очередь вопрос о пересмотре некоторых оснований запрета враждующих в обществе произведений, и 16 мая 1829 года Комитет Цензуры Иностранной заново обследовал Байроновский текст, пользуясь для облегчения своей задачи общеизвестным французским изданием 1823 года²). Сохранились краткие рапорты, резюмирующие содержание и степень предосудительности каждого произведения, после заслушания которых Комитет вынес окончательные резолюции о выделении из Байроновских созданий всего «оскорбляющего добрые нравы и благопристойность» и беспрепятственном пропуске остального. Первым был пересмотрен «Каин», запрещенный 22 июня 1823 года: «Каин, возвратясь из адского своего путешествия, приносит вместе с братом своим жертву Богу. Дым от приношений Авелевых возносится к небу и приятен Господу; жертвенник же Каина, напротив, разрушается и приношение его разносится ветром. Авель утешает его соорудить новый жертвенник и снова с сокрушенным сердцем помолиться Богу, но он хочет уничтожить и жертвенник своего брата: у них происходит ссора и Каин убивает Авеля. Прибегает Зилла; ее вопли привлекают и других. Ева проклинает своего первенца, Адам же не проклинает, но осуждает на вечное изгнание. Является Ангел Божий, утверждает сие определение и положил знамение на убийцу; одна Адаг осталась ему верна. Цензуровавший сию поэму находит, что невозможно найти поэмы нечестивее сей ни в каких сочинениях языческих, что сочинитель восстает непрестанно против Бога и его власти самым дерзким и отвратительным образом и в подтверждение своего мнения приводит из оной некоторые места». Комитет, на основании § 3 устава о цензуре «положил поэму сию оставить под запрещением как отдельно, так и в полном собрании сочинений лорда Байрона». Вслед за «Каином» подтверждено было давнее запрещение оригинала и французского перевода известного «*Journal of the Conversations of Lord Byron noted during à residence with his Lordships at Pisa, in the years 1821 and 1822, By Thomas*

¹) Арх. Мин. Нар. Прос., № 208482. Журнал заседаний Главного Цензурного Комитета за 1827 год, листы 165, 206, 256 — 257; «Дело по журналам Комитета о различных статьях и сочинениях, в пропуске которых г. г. цензоры находили затруднение», № 206992, лист 17.

²) *Oeuvres de Lord Byron. 5-mé édition, précédé d'un notice sur Lord Byron, par M. Charles Nodier. Paris. 1823, Tomes 1 à 17.*

Medwin. Paris, 2 vols, 1824 » и «Correspondance de Lord Byron avec un ami et lettres écrites à sa mère etc. Par feu R. C. Dallas, Paris, 1825». По устранении из литературного обихода этих деннейших первоисточников биографии великого поэта, Комитет перешел к обсуждению «писес или в целом составе исполненных неуважения к благочестию и нравственности, или только отчасти содержащих в себе места предосудительные». Сюда были отнесены: а) Дон Жуан, романтико-сатирическая поэма; она изобилует поэтическими красотоми, но главное ее лицо подвизается между прочим на поприще любви чувственной и преступной; все, что нравственный мир представляет важного, благородного, утешительного, отравлено язвительною ирониею или скептицизмом автора, и сверх того в сей поэме, по мнению цензора, находится очень много оскорбительного для памяти Императрицы Екатерины II-й.

б) Земля и Небо, мистерия. Представленные в ней любовные свидания ангелов с девами земными, происходящие перед самым наступлением потопа, составляют почти вводную часть сей драмы, но главный ее предмет есть изображение всеобщего разврата, ожесточения и ропота кичливых злочестивцев, в духе коих выражается сын Ноев—Иафет, имеющий соперником в любви одного из ангелов. Сквозь всего этого, по мнению цензора, заметно намерение стихотворца выказать Всевышняго несправедливым и жестоким. В сем же томе цензор заметил одну из мелких писес: «Оду к Венеции», из коей выписал возмутительныя мысли ¹⁾.

в) Марино Фальеро. В содержании сей трагедии сохранено много исторических преданий, относящихся до венецианской республики, но в вымышленных сценах между заговорщиками, намеревающимися истребить всех патрициев, упоминается о таких неудовольствиях, кои, по мнению цензора, могут случаться во всяких государствах и питать в умах пылких опасную раздражительность. Сверх сей причины, делающей трагедию сию непозволительною, он выписывает еще несколько предосудительных из оной мест—(«Рассказ о тех, ко-

1) О вы, что льете кровь за королей, как воду,
Потомкам вашим что дадут они взамен?
Наследство бедствия, слепой и жалкий плен,
И награжденную ударами свободу!
Скажите, неужель вас все еще не жжет
Плуг докрасна давно уж раскаленный тот,
Что, спотыкаяся, вы тащите устало?
Ужели все еще насилия вам мало?».

торые хотели низвергнуть злобных деспотов с их тронов. В грядущем наш пример найдет себе достойных подражателей»..., д. IV, сд. 2 и «Вы собрались здесь, Чтоб свергнуть иго этой злобной гидры, Насмешки этой дерзкой над названием Правительства, низвергнуть этот призрак, Способный быть заклЯтым только кровью; А там — когда удастся нам — съумеем Возстановить мы поправанное право Отечества; воздвигнем государство, Где будут все равны перед законом»... д. III, сд. 2).

д) Преображенный урод—есть род комической поэмы в разговорах.

Цензор, выписывая в рапорте своем то, что говорит Неизвестный или Дух, явившись в минуту отчаяния горбуна Арнольда, превращая его в Ахиллеса и после сам переходя в уродливое его тело, полагает, судя по шутливому тону, что сие не может быть признано за действительное кощунство, и что если Комитет не согласится пропустить выписанных им мест, то — по неудобству исключить их из небольшого и неоконченного сочинения — запретить оное вообще.

е) Остров, или Приключения Христиана и его товарищей. Воображение Автора, рассказав о счастии одной четы, вдруг увлеклось к странному и загадочному отступлению, которое цензор выписывая в своем рапорте, считает, основываясь на нелепости и неуместности оногo—безвредным:

[«Когда б, близ Клеопатры, все забыл
 Любовник-Цезарь, Рим бы волен был,
 И волен мир. Что сев его побед
 Взростил? Стыда наследье, жатву бед!
 Тиранов утвержденье,—след заржавый
 На старой цепи, были знак кровавой?..
 Природа, слава, разум—все народы
 Зовет исполнить так завет свободы,
 Как Брут, один, посмел,—велит дерзнуть
 И самовластья обезьян страхнуть
 С высоких сучьев! Нас пугают совы,—
 За соколов мы их принять готовы.
 Но пугала (гляди, их корчит страх!)
 Один свободы клич сметет во прах». ¹⁾

¹⁾ Рапорты о Байроне мы цитируем по «выпискам из журналов засед. Комитета Ценз. Иностранной», находящимся в «деле» Глав. Упр. Ценз. за 1829 г., № 91, л. 142, 149—151. Ссылки на французский текст заменены русским переводом первоисточника в «Биб. вел. писат. под ред. С. А. Венгерова. Байрон, т. II и III».

Все указанные в рапорте Комитету произведения Байрона, как «клоняющиеся к поколебанию истины и догматов христианской веры», как «оскорбительные для Верховной власти» и «спротивные коренным государственным постановлениям» — на основании §§ 3 и 9 устава о цензуре были Главным Управлением Цензуры безусловно и навсегда воспрещены. Творений, не вошедших в издание 1823 года, после этого, разумеется, никто уже не рискнул представить в цензуру ¹⁾, а как строго соблюдался в течение десятков лет запрет «возмутительного» текста, видно из многочисленных писем разных сановных «особ», ходатайствовавших перед министром о разрешении получить им «полного» Байрона. Очень характерно для цензурных нравов, например, найденное нами письмо к С. С. Уварову известного поэта В. И. Туманского, — по своему званию — секретаря посольства в Константинополе — все же добившегося в 1838 году возвращения конфискованных у него книг: «Милостивый Государь Сергей Семенович! При последнем возвращении моем из за границы в Россию, Одесский Цензурный Комитет удержал находившуюся при мне книгу — *Poésies d'André Chénier*. Сверх того в Одесском же Комитете хранится с 1830 года несколько принадлежащих мне томов французского перевода сочинений Лорда Байрона. Первая из этих книг драгоценна для меня как неразлучный спутник мой в продолжение 18 лет, и напол-

1) 28 фев. 1840 г. Комитет, однако, запретил «*Buonaparte, dédié à M. Kasimir Delavigne. Paris 1824*» — очевидно, по аналогии с запрещенным еще в 1821 году «дифирамбом» — *La mort de Napoléon, trad. de l'anglais de Lord Byron*.

Любопытный эпизод цензурной практики этих лет рассказывает в «Рус. Стар.» (1874 г. т. 9, стр. 116) один из сослуживцев Красовского: «В 1838 году один молодой человек пришел к Красовскому жаловаться на цензора, что тот вырезал из присланных ему из за границы сочинений Байрона одну небольшую поэму. «Принесите вашу книгу», кротко заметил Красовский. Книга была принесена. Ласково встретил цензор владельца ее и попросил дать ее в руки, но едва Байрон очутился у Красовского, лицо и голос последнего мгновенно изменились. — «А! так вы принесли... вы принесли книгу... а знаете, что цензор ошибся... что не только одну поэму, но и эту, и эту, и следующие, и эту... все надо вырезать и сжечь! И если-бы вы не принесли книгу, я бы вытребовал ее от вас через полицию»...

В протоколе СПб. Цензурного Комитета от 29 октября 1846 года сохранилась любопытная запись о рассмотрении «вольного перевода В. Любич-Романовича» Дон Жуан, который «дозволен» был по докладу А. В. Никитенко, «хотя поэма Байрона Дон Жуан пользуется не совсем хорошою репутациею в нравственном отношении, но как переводчик, равно и цензор исключили места, могущие особенно показаться предосудительными; строфы же относящиеся к России переводчик совершенно переделал».

нена собственными заметками; другие разрозняют творение великого поэта наших времен, долженствующее находиться в библиотеке каждого образованного человека. Пользуясь милостивым дозволением Вашего Высокопревосходительства, я осмеливаюсь ныне просить Вашего, Милостивый Государь, разрешения и предписания, чтобы Одес. ценз. Комитет возвратил мне поименованные книги, доставив их сюда по почте на мой счет. С глубочайшим почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою Вас. Туманский».

С.-Петербург.
Генваря 13-го дня
1838.

Ю. Г. Оксан.

И А Ч А Л А

**Ж У Р Н А Л
ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И
ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

**акад. С. Ф. ОЛВДЕНБУРГА, акад. С. Ф. ПЛАТОНОВА,
проф. Э. Л. РАДЛОВА и А. С. НИКОЛАЕВА**

№ 2

П Е Т Е Р Б У Р Г   ◻   1 9 2 2